

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СРЕДЕ

ЭО, 2011 г., № 5

© А.А. Новик

САМОСОЗНАНИЕ АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

Ключевые слова: албанцы Приазовья, этническая история, идентичность, самосознание, этноним, лингвоним, традиционная культура, балканские мотивы, полиэтничная среда

На юге Украины расположены четыре села с албанским населением: Жовтневое в Одесской области, а также три села в Запорожской области – Георгиевка, Девнинское и Гаммовка. Предки нынешних албанцев Украины переселились (предположительно в XVI в.) из Юго-Восточной Албании в Восточную Болгарию, а спустя три столетия – в пределы Российской империи. До наших дней албанцы сохраняют свой идиом, а также устойчивое этническое самосознание, символами которого являются язык, конфессиональная принадлежность, общность исторического прошлого, сопричастность к единому духовному наследию. Полевая работа последних лет позволила локализовать происхождение этой этнической группы, существенно меняя принятые в науке взгляды на ее историю и язык.

На юге Украины расположены четыре села с албанским населением. Одно – в Одесской области (Болградский район, село Жовтневое, старое название Каракурт), три других – в Запорожской области, недалеко от г. Мелитополя: Георгиевка (бывшее название Тюшки), Девнинское (ранее – Таз) и Гаммовка (прежнее название Джандран). В настоящее время в Георгиевке проживают 472 человека, в Девнинском – 698, в Гаммовке – 496 человек (*АМАЭ: Новик 2008*); в Жовтневом – около 3000 человек. В этническом отношении большинство составляют албанцы.

К истории вопроса. История названных албанских поселений такова. Впервые на территории Российской империи албанский населенный пункт возник в 1811 г. Тогда в Буджаке (междуречье Прута и Днестра) выходцами с Балканского полуострова было основано селение Каракурт. Их переселение явилось результатом политики царского правительства, пытавшегося заселить значительные территории, отошедшие к России после русско-турецких войн (Народы 1997: 21). Албаноязычные села в Запорожской области возникли в 1861–1862 гг. Их основали выходцы из Каракурта.

Приход в XV–XVI вв. на Балканы османских завоевателей вызвал значительные волны миграции. Гнет турок, направленный в первую очередь против населения, исповедующего христианство, в различных областях захваченных балканских территорий имел различную степень тяжести, а потому люди зачастую переезжали в новые места, чтобы избежать бесконечных поборов и повинностей, вводимых османской администрацией. Уйдя с албанской территории ориентировочно в XVI в., группа переселенцев, исповедовавших православие, обосновалась вначале в Восточной Болгарии, в районе Варны. Там албанцы проживали совместно с единоверцами – болгарскими и гагаузами,

а затем, в начале XIX в., спасаясь от усиливающегося гнета османских завоевателей, переселились в пределы Российской империи. Вместе с албанцами мигрировали болгары, гагаузы, представители других народов (Иванова 2000).

В Каракурте население с момента переселения выходцев с Балканского полуострова было полиэтничным. Здесь поселились албанцы, болгары и гагаузы. Численно в селении преобладали албанцы. В селах Георгиевке и Девнинском (рис. 1, рис. 2) население изначально было почти исключительно албанским. В Гаммовке албанцы проживали совместно с гагаузами. В ближайшей округе возникли болгарские, украинские, русские, а также смешанные поселения. Долгое время население приазовских албанских сел оставалось почти полностью моноэтничным (за исключением Гаммовки).

На новых землях албанцы впервые столкнулись с русскими и украинцами, молдаванами и ногайцами. Жизненный уклад, бытовые установки, традиции и обычаи тесным образом связывали албанцев с другими выходцами с Балканского полуострова. Владели албанцы, помимо своего родного албанского, еще и гагаузским, и болгарским языками (Жугра, Шаранова 1998: 117–151). Без знания языков соседей нельзя было свободно общаться, осуществлять хозяйственные и человеческие связи.

С русскими албанцы впервые встретились в Буджаке после переселения. Но общение с русскими ограничено было, как правило, лишь контактами с русскими чиновниками – представителями властей. На бытовом уровне общения с русскими и украинцами первое время после переселения в пределы Российского государства практически не было. После переселения из Буджака в Приазовье связи с русскоязычным населением усилились, однако некоторая настороженность и отчужденность все же сохранялись. Причиной этому было незнание языка и культуры русских. Как вспоминают информанты, вплоть до Второй мировой войны албанки пугали своих детей русскими: “Придет русский и заберет тебя” (АМАЭ: Новик 1998). Если в селе неожиданно появлялась какая-нибудь подвода из районного центра с начальством, либо еще кто-нибудь “чужой”, то женщины также гнали ребятшек домой и прятались сами: “Русские едут!”.

До 1920-х гг. албанцы вообще не признавали и не приветствовали межэтнические браки. Старики считали, что их сыновья могут жениться только на албанках. И дочерей выдавали тоже исключительно за албанцев.

После лихолетья двух революций и гражданской войны в селах значительно сузились возможности выбора брачного партнера вследствие убыли населения, и межэтнические браки стали возможны. Однако несколько десятилетий эта свобода выбора ограничивалась весьма малым списком народов, с представителями которых можно было создавать семью. Вступать в брак разрешалось со “своими”, а именно с болгарами и гагаузами. Всех прочих считали “чужими”. С этого времени, с конца 1920-х гг., албанские села Приазовья перестали быть моноэтничными.

Голодомор 1932–1934 гг. на Украине не обошел стороной албанские села. В Приазовье погибли множество людей самых разных национальностей (Приазовский район 2009). Жуткие картины того времени оставили неизгладимый след в памяти народа. Пожилые информанты с содроганием вспоминают события тех лет. В албанских селах голодомор вспоминают чаще и с большим волнением, чем даже военные годы. После гибели большого количества людей многие села и дворы в Приазовском районе опустели. Сюда советские власти стали переселять украинцев и русских из северных районов Украины и областей РСФСР.

После окончания Великой Отечественной войны в здешних местах остро ощущался недостаток рабочих рук. В то же время в присоединенной к Советскому Союзу Западной Украине были переизбыток рабочей силы и нехватка рабочих мест. Украинские власти стали переселять людей из западных областей Украины в ее восточную часть. Молодых незамужних девушек привозили на грузовиках в местные колхозы

и устраивали на работу – кого на животноводческую ферму, кого в полеводческую бригаду и т.д. В скором времени стали возникать новые семьи – местные парни охотно женились на таких поселенках. К тому же старики уже не могли активно противиться межэтническим бракам. Население Приазовья стало еще более смешанным (Будина 2000).

Начиная с середины 1940-х – начала 1950-х гг. албанских юношей стали призывать в армию. До этого албанцы в армии большей частью не служили. В начале войны албанцев призывали на фронт, но потом власти стали отсеивать из армии представителей народов, находившихся под гитлеровской оккупацией либо воевавших на стороне Германии. Хотя албанцы сопротивлялись гитлеровской агрессии, их на всякий случай причислили к болгарам (а Болгария, как известно, входила в прогитлеровскую коалицию). Чтобы “чего не вышло”, советская система записала албанцев в “неблагонадежные” граждане, а потому долгие годы отказывала им в почетной обязанности служения отечеству.

Во время армейской службы, которую албанские парни проходили в различных уголках Союза, они знакомились с девушками разных национальностей, а после демобилизации привозили их к себе домой в качестве жен. Так появились смешанные албанско-белорусские, албанско-татарские, албанско-мордовские и иные семьи. С этого момента происходит коренной перелом в укладе местных деревень. В албанские дома, в албанские семьи вливается иноэтничный элемент. В семьях, в которых традиционно говорили на албанском, в присутствии молодой невестки и снохи начинают говорить по-русски, чтобы она могла понять, о чем идет речь. Дети, рождавшиеся в смешанных семьях, становились сызмальства двуязычными. Причем первым языком для них зачастую становился русский. В быт албанцев входили русские установки, взгляды на организацию хозяйства, проникали новые суждения и оценки.

Чисто албанских семей, как говорят сами жители, осталось очень мало. Почти обязательно можно найти болгарского или гагаузского дедушку, русскую или украинскую бабушку. Тем сильнее подчеркивают свой “албанский род” сохраняющиеся еще в малом количестве несмешанные семьи. Но и в таких семьях албанская речь уже не звучит постоянно, как это было еще несколько десятилетий назад. Здесь свою роль сыграла школа. Школы в албаноязычных селах Украины были “русскими”, т.е. преподавание в них велось на русском языке. Дети из албанских семей, приходившие учиться в первый класс, сталкивались с большими языковыми проблемами (АМАЭ: Новик 2002). Они не могли понимать учителей, говоривших по-русски. Этот языковой барьер стирался с трудом. Чтобы у детей в будущем не было проблем с учебой, многие албаноязычные родители в присутствии детей переходили на русский язык. Таким образом, дети до поступления в первый класс уже владели русским. Но в семьях – с родителями и особенно с представителями старшего поколения, – а также со своими сверстниками-албанцами дети продолжали говорить на албанском языке. Как вспоминают учителя, еще 25–30 лет назад дети на школьных переменах разговаривали между собой по-албански. Сейчас школьники общаются по-русски. На албанском они могут разговаривать лишь с дедушками и бабушками, у которых принято говорить на родном языке. А украинский язык, который всячески вводится местной администрацией, учится албанскими детьми с трудом.

С языковым вопросом неразрывно связан и вопрос *этнической самоидентификации* (Иванова 1995). Последняя перепись населения в Советском Союзе представила нам следующие цифры: на Украине проживали приблизительно 5000 албанцев (Наулко 1998). В 1996 г. Украина ввела гражданские паспорта нового образца. В них отсутствует графа “национальность”. Единственной лазейкой, позволявшей определять численность населения той или иной этнической принадлежности, оставались похозяйственные книги, ведущиеся в каждом сельсовете. Они-то как раз до 2000 г. сохраняли графу “национальность”. Работая с ними, можно было не только подсчитать

численность албанского населения по годам, но и проследить степень престижности подобной этнической идентичности. Зачастую даже если в семье лишь бабушка или дедушка были албанцами, внуки записывались албанцами. И здесь действуют несколько иные механизмы, чем, скажем, в случае принадлежности к немецкому, еврейскому, болгарскому или греческому этносу. Албанцем на Украине быть не выгодно, так как Албания не оказывает помощи, не действуют экономические программы по поддержке диаспоры и т.д. В то же время люди декларируют свою албанскую этническую идентичность. И это устойчивый процесс. Вероятнее всего, решающим фактором при самоидентификации было и остается стремление выделить себя из большинства населения в регионе и стране, подчеркнуть свою самость, непохожесть, “избранность” (явление, очень распространенное в современном мире).

Многие люди, наоборот, имея албанские корни, записывали себя украинцами или русскими. Внимательное изучение похозяйственных книг дает возможность проследить менявшиеся стереотипы и взгляды на собственную идентичность.

В Приазовье, как и на Украине в целом, распространено слово *суржик*. Оно означает, чаще всего, смесь русского и украинского языка. Также *суржи́ком* называют человека, родители которого представляют разные этносы. Многие информанты рассказывали мне о себе: “Я – суржик. У меня отец албанец, а мать украинка” (АМАЭ: Новик 1998). Более того, семьи полиэтнического состава также часто называют *суржиками*. Многие выставляют напоказ свое смешанное происхождение и даже гордятся им, подчеркивая, что стоят выше национальных условий и какой-то определенной этнической принадлежности. Здесь присутствует и компонент советской системы ценностей, когда в стране говорили о “новой общности – советском народе”. Данный факт также приходится учитывать во время полевой работы.

Этноним албанцев Украины как проблема. Вопрос самосознания албанцев Буджака и Приазовья исключительно непростой. Сложности начинаются непосредственно с самоназвания. У албанцев Украины существует несколько этнонимов.

Первым, самым распространенным этнонимом является *га тант* (*ga tantë*). Дословно это обозначает “из наших”. Данный этноним использовался албанцами, по всей видимости, еще до времени переселения в пределы Российской империи. Во всяком случае, в момент переселения *га тант* имел устойчивое употребление. Первая фиксация исследователями данной группы населения указывает именно на это самоназвание. Тесным образом с этнонимом связан лингвоним. На албанском говоре Украины он звучит как *си нэвэ* (*si neve*), т.е. “по-нашему, как мы”. Фраза “говорить по-албански” звучит следующим образом: “залахит си нэвэ” (*zallahit si neve*) – “говорить, как мы”.

Этноним *га тант* был принесен албанцами с Балканского полуострова. И возник он, по всей видимости, еще в период проживания непосредственно в албанских землях. С этим самоназванием албанцы пришли в восточные районы Болгарии. Сохраняющийся в среде албанцев Украины этноним подтверждает гипотезу, поддерживаемую большинством исследователей, о времени переселения из албанских земель в Восточную Болгарию – а именно речь идет о XVI в. В самих албанских землях современный этноним *шкиттар* (*shqiptar – i*) возник не ранее XVIII столетия (Десницкая 1987: 204–252). Тогда же он был и зафиксирован английским исследователем У. Ликом. *Шкиттар* обозначает “тот, кто говорит понятно, разборчиво”. Это современное значение этнонима. В албанском языке сохраняется глагол *shqiptoj* – “говорить понятно, ясно”. От него и произошел этноним *шкиттар*. Тогда, на рубеже XVII–XVIII вв., в период очевидной необходимости консолидации албанских земель, возникла потребность в едином самоназвании этноса, который прежде имел различные региональные (областные) этнонимы (Tirta 2003). Письменная традиция имела устоявшиеся названия для албанского этноса – в зависимости от того, на каком языке создавался текст. *Арбэры, арбаны, албаны, арбэреши, арваниты, арнауты* и т.д. – так называли албанский этнос и его этнические группы соседи по европейскому континенту и в Азии. Однако закреплен-

С. Георгиевка. В сельском храме. Фото А.А. Новика. Август 2008 г.

ного традицией албанского самоназвания, общего для всего этноса, не существовало. Это отражало раздробленность страны, в разные периоды входившей в состав различных государств, а также исключительное влияние региональных особенностей на все стороны жизни населения, в том числе и на самосознание. Изменение общественных отношений, формирование национальных интересов привело к выработке национальной идеи. Для албанцев стала принципиальной принадлежность не к *краине* (krahin|ë – а – исторически сложившаяся область с едиными экономическими, политическими и географическими особенностями), а ко всему этносу, с общностью языка, истории, традиций и поведенческих стереотипов.

Тот факт, что албанцы Украины сохранили архаичный этноним, свидетельствует о том, что переселение из албанских земель произошло ранее начала XVIII в., по-видимому, в XVI столетии. Более того, в албанском говоре Украины глагол *shqirtoj* сохраняется в значении “понимать” (а не “говорить ясно, понятно”, как в современном албанском литературном языке). Т.е. *шкиттар* – “тот, кто понимает”. Здесь уже говор албанцев Украины может пролить свет на этимологию современного этнонима албанцев.

Описательное название собственного языка “си нэвэ” (si neve), обозначающее “как мы, по-нашему”, также свидетельствует о том, что уход предков албанцев Украины произошел ранее периода установившихся в дальнейшем в Албании этнонима *шкиттар* и лингвонима *шкит*, *гьюха шкитэ* (shqip, gjuha shqipe) – “по-албански, албанский, албанский язык”.

До XX в., как ни странно, этническая принадлежность албанцев Украины не всегда была понятна не только их соседям, но и им самим (!). Распространенные этноним и лингвоним не всегда позволяли представителям сообщества соотносить себя с албанцами Балканского полуострова. Поэтому вокруг происхождения албанцев Украины складывались бесконечные легенды.

В период проживания в Восточной Болгарии местная османская администрация, безусловно, причисляла их к христианской части населения империи. В османском государстве не было жесткого разделения по этническому признаку. Если ты мусульманин – значит, турок. Если христианин – значит, грек. Однако в простой и стройной системе религиозной идеологии государства проскальзывал слабый этнический компонент. Турки называли албанцев арнаутами. В самой Болгарии было известно название *арбанас*. (Здесь достаточно вспомнить довольно известное село Арбанаси недалеко от

г. Габрово, которое возникло как поселение выходцев из албанских земель.) Однако зная, что их так называют соседи, албанцы не принимали данное название в качестве этнонима длительное время, во всяком случае, до времени переселения в пределы Российской империи.

До начала XX в. албанцы Украины продолжали называть своих соплеменников “*нашими*” – *га тантэ*. Для российских чиновников они были, прежде всего, православыми выходцами с Балканского полуострова. Именно на этом условии строились все правила предоставления земель и субсидий колонистам. Очевидно, что для царских властей все они – болгары, албанцы, гагаузы – были выходцами из Болгарии, по большому счету, болгарскими, в которых в первую очередь видели единоверцев. И особых различий между ними власти не делали.

Второй этноним албанцев Украины – *арнаут* (arnaut) – сложился в первой трети XX в. Он возник под влиянием, как ни странно, научных экспедиций, исследовавших данный регион. В 1910–1930-х гг. в албаноязычных поселениях Украины проходила работа Николая Севастьяновича Державина. Изучая болгарские поселения на территории Российской империи – Советского Союза, он случайно обнаружил села, в которых говорили по-албански. Однако о том, что это именно албанский, местным жителям рассказал сам ученый. Серия его публикаций, посвященных албанцам-арнаутам Украинской ССР, получила широкую известность не только в научной среде, но и на местах, среди интеллигенции и простых сельчан¹. Жители албанских сел стали называть себя арнаутами. Соответственно, язык, на котором они говорили, стал называться *арнаутче* (arnautçe).

Однако этноним *арнауты* не вытеснил существовавший прежде. Он лишь дополнил имагологическую картину самосознания албанцев Буджака и Приазовья, позволив им занять свою нишу среди соседних этносов, населяющих регион. Если прежде албанцы с трудом могли определить свое происхождение и место, откуда они пришли, то теперь они указывали на конкретные территории на Балканах.

То, что мы можем со значительной степенью уверенности утверждать, что этноним *арнаут* получил распространение среди албанцев Украины лишь с 1930-х гг., подтверждают также изыскания Юлии Владимировны Ивановой, проводившей полевые исследования албанских сел Украины начиная с 1948 г. По ее данным, местные албанцы узнали, что они арнауты, или албанцы, лишь благодаря деятельности Н.С. Державина и других исследователей. До времени приезда ученых-полевику большинство информантов не могли сказать, к какому “роду-племени” они относятся, называя своих “своими”, а собственный язык “нашим” языком.

Данное положение могут подтвердить и следующие факты. Несмотря на распространение этнонима *арнаут*, как правило, самоназванием, чаще всего звучащим среди албанцев Украины, является именно *га тантэ*. Тем более что беседуя между собой в присутствии представителей других этносов, албанцы, желая сохранить содержание разговора в секрете, используют именно *га тантэ* (т.е. *наш* – в противопоставление *не нашему*, разделяя *своих* и *чужих*).

Приведенные материалы не исключают того, что албанцам Украины и раньше было известно название *арнаут*. Более того, какая-то часть албанского населения именно так и обозначала свою этническую принадлежность интересующимся других национальностей. В поддержку этого факта говорит то, что известный на юге Украины сорт пшеницы твердых пород называется “арнаутка”. И в албанских селах албанцы связывают название сорта пшеницы с собственным этнонимом.

В данном вопросе албанцы Буджака проявляют большую осведомленность, чем албанцы Приазовья. Информанты в с. Жовтневом, как правило, приводят в пример известные одесские улицы: Большую Арнаутскую и Малую Арнаутскую. И начинают рассказывать, что в г. Одессе жило много арнаутов, таких же, как и в их селе (АМАЭ: Новик 1998). Значит, делают вывод информанты, их было много вообще в регионе.

С. Девнинское. Восстанавливаемый православный храм. Время постройки – конец XIX в.
Фото А.А. Новика. Август 2008 г.

Оставляя в стороне дискуссионный вопрос об этнической принадлежности выходцев с Балкан, обосновавшихся в Одессе со времени ее основания и известных под общим названием *арнауты*, мы должны констатировать значительный интерес албанцев к собственной этнической истории и желание найти во что бы то ни стало соплеменников в огромном полиэтничном регионе.

Наконец, в Буджаке и Приазовье стал устойчивым этноним *албанец*, звучащий в русифицированном варианте. Однако данное самоназвание появилось лишь в последние десятилетия. Мы можем также сослаться на материалы Ю.В. Ивановой, исследовавшей албанские поселения в течение полувека. Албанцы Украины стали называть себя албанцами лишь после Второй мировой войны. И этот сдвиг в самосознании, отразившийся в самоназвании, произошел под влиянием информации, полученной от ученых, регулярно приезжавших в данный регион для этнологических, лингвистических и антропологических исследований.

Если вопрос с этнонимом поддается датировке и представляет некоторую вполне сформировавшуюся картину, то различные маркеры и символы самосознания у информантов зачастую расплывчаты и неясны (Иванова 1999: 217–218). Безусловно, все албанцы Украины причисляют себя к албанскому этносу. Однако связь с балканской Албанией в самосознании остается достаточно неопределенной.

Вопрос о локализации происхождения этнической группы. В научной среде до сих пор ведутся споры по поводу того, откуда предки албанцев пришли в Восточную Болгарию. Большинство исследователей склонны считать, что местом прежнего расселения были районы современной Юго-Восточной Албании (А.В. Десницкая, Б. Соколова и др.). Данную гипотезу подтверждает анализ языкового материала (Н.В. Котова, О.С. Широков, S. Islami). Язык албанцев Украины изначально был сформирован в зоне сложения тоскской языковой общности (южная часть албанской территории). За пять столетий проживания вне основного албаноязычного ареала говор албанцев Украины не только не исчез, но и сумел сохранить типичные черты южной, тоскской диалектной зоны.

Косвенные подтверждения факта переселения из Юго-Восточной Албании мы находим в воспоминаниях и этногенетических легендах жителей албаноязычных сел. Так, в ходе полевой работы мною неоднократно был записан рассказ о том, что предки современных албанцев Украины пришли из района г. Корчи (АМАЭ: Новик 2002). Корча находится на юго-востоке Албании и представляет собой центр значительной

и влиятельной для всей страны области. Однако мы не можем рассматривать наличие данного полевого материала в качестве подтверждения факта локализации прежнего расселения предков албанцев Украины. Несмотря на то что подобные рассказы были записаны от информантов разных возрастов и разного образовательного уровня в различных селах (Георгиевка, Девнинское), степень недоверия к подобным свидетельствам остается весьма высокой ввиду исключительно большого проникновения научной информации в народную среду в последние годы.

Главным фактом, подтверждающим локализацию прежнего проживания предков нынешних албанцев Украины в области г. Корчи, является сохраняющийся говор.

Экспедиции 2010 г. в Приазовье и на Балканы принесли еще ряд материалов, подтверждающих гипотезу происхождения данной группы албанского населения именно из этой местности, однако с существенной корректировкой.

Так, в говоре албанцев Украины довольно часто звучит слово *rîj* (“пый”), которое означает самый широкий спектр чувств и отношения к происходящему – от удивления и восторга до осуждения и выражения презрения. Междометие *rîj* может стоять в начале фразы, в середине или в конце. Обычно данное слово растягивается в речи для придания большей эмоциональности коммуникации. Употребляют его как мужчины, так и женщины, как молодые, так и люди весьма преклонных лет. Это значит, что гендерных или возрастных ограничений в употреблении слова в говоре не отмечается.

Зато совершенно четко отмечается употребление данного междометия сугубо в албанской среде. Так сложилось, что албанцы Украины живут уже по меньшей мере 500 лет среди болгар, гагаузов, украинцев, русских, молдаван и других этносов. За это время в албанском говоре накопилось очень большое количество заимствований – лексических, синтаксических и проч. – из языков соседей (*Котова* 1956: 254–287). Говор албанцев Украины обладает рядом черт, характерных для языков Балканского языкового союза². Все это позволяло бы ожидать наличия определенного общего фона междометий и служебных слов, которые часто кочуют из одного языка в другой, но устойчиво сохраняются, как правило, в языке-доноре. Со словом *rîj* так не случилось. В Приазовье данное междометие остается четким формантом принадлежности к албанскому сообществу. Ни болгары, ни гагаузы, ни тем более украинцы и русские, живущие по соседству, данное междометие не употребляют.

Интересный языковой факт: междометие *rîj* албанцы используют и тогда, когда говорят по-русски или по-украински (одним из этих языков или двумя одновременно они владеют, помимо албанского, обязательно). В этом случае междометие используется в тех же значениях, что и в коммуникации по-албански: для выражения удивления, потрясения, согласия или несогласия, одобрения, осуждения, возмущения, негодования и т.д.

С бытованием междометия *rîj* в речи албанцев Украины все более-менее ясно: во всех селах с албанским населением в Буджаке и Приазовье у информантов разных возрастов автором записано достаточно много текстов, которые фиксируют данное слово и варианты его словоупотребления. Но самые интересные результаты дает полевая работа на Балканах, которая позволяет, возможно, по одному этому слову локализовать место проживания предков нынешних албанцев Приазовья. Понятно, что это лишь уточнение локализации, но весьма значимое.

Так, во время моих полевых исследований в Косово в 2010 г. один из информантов подчеркнул, что слово *rîj* встречается только в говоре жителей Дэвола. Больше на территориях с албанским населением оно не встречается нигде. “По этому междометию, – по словам информанта, – можно точно судить, что человек родом из Дэвола или живет в этой краине” (*АМАЭ: Новик* 2010б: 12).

Данный факт существенным образом корректирует предположения лингвистов (А.В. Десницкая, Б. Соколова, И.И. Воронина, М.В. Домосилецкая, Л.В. Шарапова, С. Ислами), которые локализовали место проживания предков нынешних албанцев

Украины областью Корчи, а также районом Вифкукя, расположенным к юго-западу от Корчи. Дэвол располагается к северу и северо-западу от Корчи. Эта локализация помогает нам сделать предположения о характере хозяйственных занятий и бытовой культуре населения, часть которого ушла со своей территории в Восточную Болгарию ориентировочно в XVI в. Это исключительно важно для реконструкции реалий и черт традиционной культуры, а также анализа механизмов вхождения инноваций в уклад жизни, верования, обычаи, установки и взгляды албанцев Украины на протяжении пяти столетий.

Анализ диалектных и обобщающих лингвистических исследований по говорам и диалектам албанского языка подтверждает материалы, собранные в ходе экспедиций. Полевая работа в самой Албании не только подтвердила тот факт, что только в *краине* Дэвол население в речи использует междометие *rij*, но и позволила сделать еще ряд важных наблюдений. Несмотря на то что г. Корча и *краина* Дэвол территориально близки, между ними проходит ряд изоглосс, позволяющих реконструировать не только лексические формы говора албанцев Украины, но и атрибутировать локальную привязанность этих форм.

Самым важным в этом языковом факте является то, что население соседних с Дэволом *краин* и территорий воспринимает междометие *rij* как маркер говора Дэвола и местного типа речи.

Полевая работа в Албании в 2010 г. позволила собрать материалы, касающиеся переселения албанцев в пределы Болгарии и России, и совсем другого плана. Речь идет о меморатах³, устойчиво бытующих среди местного населения (*АМАЭ: Новик 2010в: 85–88*). В сборе таких материалов и данной информации автор обязан мэтру албанской этнографии, крупнейшему специалисту в области албанского традиционного костюма Андромачи Гьерги (*Andromaqi Gjergji*).

По информации А. Гьерги, недалеко от Корчи, в области Колёнья, в горных деревнях местные жители часто вспоминают, что давным-давно у них проживали односельчане, которые собрались семьями и уехали далеко на восток. Колёнья представляет собой горную местность с разбросанной сетью поселений. В *краине* мало пригодных для сельскохозяйственной обработки земель. “В данной местности крестьяне часто рассказывали раньше о том, что когда-то большая часть местного населения снялась с обжитых мест и двинулась на восток. Из уехавших никто в родные места не вернулся, и потому местные люди так никогда и не узнали о судьбе своих соплеменников” (*АМАЭ: Новик 2010в: 86, 88*).

Архивных материалов той эпохи на данную тему, как ни жаль, не сохранилось. Для области Корчи и сопредельных территорий в наше время доступны церковные книги, равно как и архивные записи, ведение которых начинается с XVIII столетия. События, происходившие раньше, невозможно, за небольшими исключениями, проследить по документам. Факт бытования меморатов подобного рода у населения в этих условиях весьма важен.

Рассказы о миграциях являются неотъемлемой частью устной этнической истории и фольклора. Однако чаще всего встречаются воспоминания о трудовой миграции. Меморат о переселении значительной части населения фиксируется только в Колёнье.

Необходимо признать, что на данном этапе окончательно нельзя локализовать место расселения предков нынешних албанцев Буджака и Приазовья. Главный результат проделанной работы – это локализация места исхода юго-восточными районами современной Албании. По всей видимости, приходится отказаться от принятой прежде в науке гипотезы о переселении албанцев из ближайших к Корче районов либо из Вифкукя (хотя, в целом, обширный регион Корчи остается в качестве основного гипотетически возможного района происхождения). Границы локализации мы должны ограничить *краиной* Дэвол и *краиной* Колёнья. В первом случае мы располагаем таким лингвистическим фактом, как междометие *rij*, которое до нашего времени остается

Албанка из с. Георгиевка Анна Кирилловна
Бурлачко. Фото А.А. Новика.
Август 2008 г

ярким маркером принадлежности к дэволской локальной общности и не имеет распространения в других зонах Юго-Восточной Албании. Во втором случае в качестве доказательства выступают мемуары, фиксируемые у населения Колёньи, касающиеся большого переселения людей в прошлом.

В целом ни одна из возможных локализаций не противоречит главной гипотезе – той, согласно которой предки нынешних албанцев Украины вышли из Юго-Восточной Албании. Вполне допустим и тот факт, что албанцы выезжали из нескольких мест (предположим, Дэвола, Колёньи, ближайшей округи Корчи). В любом случае региональной метрополией для всей ближайшей округи была Корча – самый большой и экономически развитый город юго-востока страны. Поэтому Корча как родина могла сохраниться в воспоминаниях албанцев, передававших из поколения в поколение знания о том, откуда они родом.

В любом случае при отсутствии архивных документов на данный счет главными аргументами в локализации этой группы населения могут служить лингвистические данные по разговорам юго-востока Албании,

а также Буджака и Приазовья, рассматриваемые в сравнительном аспекте, и полевые материалы, фиксирующие воспоминания о переселении в разных точках его маршрута (начиная с места исхода, промежуточных пунктов и места конечного расселения).

Конфессиональный фактор. В плане самоотнесения к определенной этнической общности весьма важен фактор религиозной принадлежности (об этом, например, в ходе экспедиций 1998–2010 гг. в с. Георгиевке были записаны тексты у албанки Бурлачко Софии Ивановны, 1937 г.р.) (АМАЭ: Новик 1998, 2002, 2008, 2010а). Большая часть албанцев Украины считает весьма важным свое православное вероисповедание. То, что албанцы православные, вводит их (по мнению большинства информантов) в мир православных народов (рис. 3), а потому противопоставление *своих* и *чужих* проводится чаще именно по религиозному признаку, а не по этнической принадлежности. В албаноязычных селах исключительно устойчиво воспоминание о том, что сняться с родных мест и отправиться на чужбину албанцев вынудили именно религиозные притеснения, чинимые турецкими властями. Из Албании предки современных албанцев ушли, устав от гнета мусульманских правителей, затем они вынуждены были покинуть Болгарию все из-за тех же притеснений со стороны мусульман. Более того, страх перед турецкими набегами преследовал поселенцев не только в Буджаке, но и в Приазовье, где они обосновались в 1861–1862 гг.

То, что албанцы Украины часто скорее склонны самоотносить себя по конфессиональному признаку, а не по этнической принадлежности, свидетельствует и такой факт. Во время обострения кризиса на Балканах в 1999 г., когда войска НАТО развернули военные действия против бывшей Югославии, албанцы приазовских сел сочувствовали сербским беженцам из Косово и осуждали албанский сепаратизм, равно

как и агрессию НАТО против Сербии. По завершении открытого военного конфликта мною были записаны многочисленные интервью с информантами, в которых осуждались действия против православных сербов. Более того, ряд информантов вообще не видели различий между собой, православными, и сербским населением Косово и Метохии, исповедующим православие.

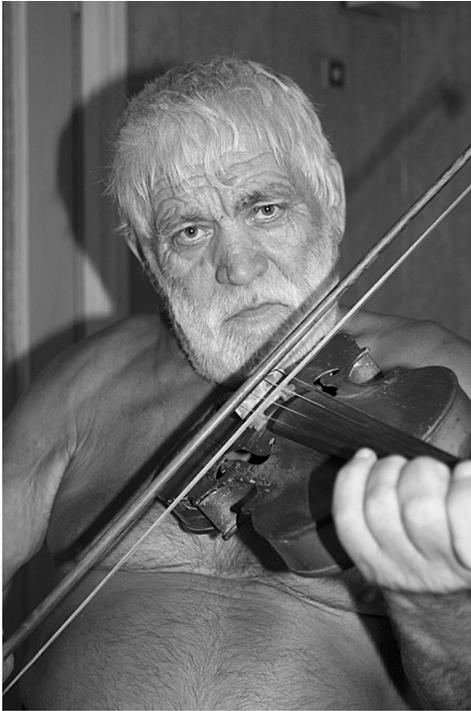
Данные события также показали разницу во взглядах между жителями приазовских сел и села Жовтнево в Одесской области. Албанцы Буджака в косовском конфликте выступали на словах на стороне албанцев, терпящих притеснения со стороны сербских властей, полиции и армии. Более того, ряд информантов говорили о том, что русским ученым теперь будет сложно работать с албанскими жителями в Буджаке, так как *“Россия однозначно и односторонне поддерживала сербов, выступая против всего мирового сообщества”* (АОЕ: Новик 2000). Истоки подобной разницы взглядов лежат, возможно, в большей консолидации албанцев Буджака. Здесь, в Жовтневом, они проживают компактно. Их численность больше, чем численность албанцев в приазовских селах, вместе взятых. В Жовтневом нерегулярно издается газета, выходящая на албанском говоре, передаваемом кириллицей (некоторые авторы материалы в ней пишут на латинице, что затрудняет понимание текстов большинством носителей говора), работает фольклорный коллектив, проводятся различные мероприятия, призванные способствовать сохранению этнической идентичности и традиционной культуры, а потому албанская идентичность превалирует над конфессиональной принадлежностью.

Однако принадлежность к православию не всегда доминирует в вопросах самоотнесения и албанцев Приазовья. Так, можно привести следующий факт. В 1995 г. в албанские села Украины приезжали журналисты, албанцы из Македонии (Сефер Муслиу, Даут Даути, Афет Мифтари). После ознакомительного визита они приехали вновь, уже вместе с большим молодежным фольклорным коллективом. Артистов расселили по частным домам. Практически всем местным пришлось общаться с албанцами Македонии, мусульманами по вероисповеданию, на смеси своего родного говора и албанского языка албанцев Македонии, в основе которого лежат говоры гегского диалекта. Артисты жили в с. Георгиевке несколько дней (*Musliu, Dauti* 1996). Выступали с концертами в самом селе и в соседних – Девнинском и Гаммовке. После того как огромный автобус с балканскими гостями уехал, вокруг визита артистов стали складываться многочисленные легенды, в том числе и этногенетического характера. Местные жители стали говорить, что они хорошо понимали албанцев из Македонии, потому что язык последних ближе к их собственному языку, чем к албанскому Албании или албанскому Косово. Значит, делали вывод жители сел, албанцы пришли в Болгарию, а затем в Приазовье из Македонии. И здесь уже языковая близость брала верх над конфессиональной принадлежностью.

Во время полевой работы в течение последних лет мне довелось записать у информантов уже не один рассказ о том, что предки албанцев Приазовья прежде жили на территории Македонии. Думается, что в дальнейшем, лет эдак через пятьдесят, исследователи региона будут записывать тексты о том, что прадеды албанцев рассказывали о том, что до переселения в Российскую империю

Чтение стихов на албанском говоре во время экспедиции: поэт П.К. Мержев и аспирантка СПбГУ А.П. Никольская. С. Георгиевка. Фото А.А. Новика. Август 2008 г.

Информант экспедиции Н.Д. Пантов играет на скрипке. С. Девнинское. Фото А.А. Новика. Август 2009 г.

их предки жили в Македонии. И будут фиксировать имена, фамилии, даты и годы жизни этих ушедших из жизни информантов.

Не рассматривать вовсе вероятность исхода части албанского населения с македонских территорий в Восточную Болгарию мы не можем. Языковой материал, хотя и говорит в поддержку тоскской основы говора албанцев Украины (*Islami* 1955: 163–180; *Широков* 1962: 26–36), не исключает вероятность локализации поселений предков современных албанцев Украины в Западной Македонии, в районах распространения переходных и смешанных говоров. Не исключен и факт поэтапной миграции. В условиях царившей анархии первых десятилетий и даже веков османского господства на Балканах вполне вероятно было переселение части албанского населения из Юго-Восточной Албании на земли современной Республики Македония, а в дальнейшем переезд, ввиду усиления гнета османских чиновников, в районы Восточной Болгарии.

Подобные факты мы встречаем в этнической истории Балкан. Приведем в качестве примера хотя бы переселение части албанцев в Морею, приморскую область Греции, а затем, около столетия спустя,

новое переселение – на земли Южной Италии, главным образом в Калабрию и на Сицилию. Показательно, что именно Морея воспринимается до сих пор арбрешами, потомками переселенцев XV в., сохранившими албанский язык, в качестве прародины. Более того, самая известная арбрешская песня “О, э букура Морэ!” (О, е buкура Море! – “О, прекрасная Морея!”), ставшая практически гимном албанцев в изгнании, печально воспеваает в качестве далекой потерянной родины именно Морею, т.е. Грецию. И воспеваает по-арбрешски, т.е. на говоре албанского!

Самосознание албанцев Украины характеризуется неизменным желанием локализовать место изначального проживания своих предков на территории Балканского полуострова, а одновременно и свое место среди народов региона, Балканского полуострова, европейского континента, мира, а также постоянными попытками объяснить причины переселения в данные края и одновременно “оправдать” тот факт, почему они не являются частью основного албанского этнического массива, а представляют группу диаспоры. В этих попытках можно проследить ряд любопытных моментов.

Во время экспедиционной работы 2005 г. в с. Георгиевке удалось зафиксировать рассказ о том, что албанцы Украины являются потомками албанцев Кавказа (*АМАЭ: Новик* 2005). Информант рассказал, что в I тысячелетии н.э. на востоке Кавказа существовала Албания. Затем жители этой страны решили переселиться подальше от неспокойного места и двинулись в путь. Так и возникли албанские поселения на территории современной Украины. А вот на самом Кавказе албанцев, равно как и Албании, не стало. Мой вопрос, откуда информант узнал об этом, был вознагражден не общим ответом, мол, слышал от стариков такое (и тогда пришлось бы искать объяснение этим

этногенетическим легендам!). Информант сказал, что так говорят люди, более того, он сам прочитал об этом в большой энциклопедии. Конечно же, материал о Кавказской Албании (Албании-Алуанк) в энциклопедии никак не был связан с албанцами Украины, однако информант, прочитав словарную статью, домыслил возможность миграции сам. Самое интересное, что в дальнейшем я зафиксировал несколько подобных рассказов у местных жителей. И все они ссылались на авторитет предыдущего информанта.

Подобные рассказы свидетельствуют о том, что местным жителям отнюдь не безынтересны легенды, связанные с происхождением албанского этноса и историей его расселения.

Проблема идиома. Для любого этноса язык является одним из главных структурных компонентов самосознания и самоопределения. Зачастую именно язык является определяющим этнодифференцирующим признаком (Мильников 1997; Stublla 2007). Албанцы Украины не только не представляют исключения, но и являются примером этнической группы, главным дифференцирующим признаком которой является именно язык (во всяком случае, так оставалось до 1970–1980-х гг.). Из среды болгар и гагаузов, переселившихся в Буджак и, позднее, в Приазовье, албанцы выделяются в первую очередь именно языковой принадлежностью. Практически пять веков албанцы жили в Восточной Болгарии среди болгар и гагаузов. За этот длительный период у представителей трех народов появилось очень много общих черт, характеризующих уклад жизни, традиционно-бытовую культуру, праздничную обрядность и систему духовно-нравственных ценностей. Общее вероисповедание в форме православия, схожие исторические судьбы и совместное переселение на новые места консолидировали эти группы населения. Зачастую очень сложно найти разницу в сохраняющихся элементах традиционной культуры, характеризующей тот или иной народ. Поэтому практически все время проживания на территории Российской империи и Советского Союза предки нынешних жителей албанских, болгарских и гагаузских сел считали друг друга “своими”. И лишь язык был главным дифференцирующим признаком, позволявшим сохранить этническую идентичность. Именно язык давал возможность передавать последующим поколениям накопленный опыт, систему оценок и культурные достижения, которые не позволили албанцам раствориться в полиэтничной среде региона. А потому у албанцев особое отношение к своему языку.

Албанцы сумели сохранить свой язык на протяжении пяти столетий, находясь вдали от основного албаноязычного ареала. Степень владения идиомом у разных представителей албанцев Украины различная. Однако знание албанского языка, по мнению большинства информантов, является непременным условием албанской идентичности. Сравнивая уровень языковой компетенции носителей албанского говора с представителями других этносов и этнических групп, переселившихся в регион в ходе изменения геополитических границ, можно утверждать, что степень знания языка у албанцев часто выше, хотя именно албанцы дольше других оторваны от основного массива носителей языка⁴.

Вопреки мнению скептиков, албанский говор не только не исчез, но и продолжает развиваться в тесном взаимодействии с русским, болгарским, гагаузским и украинским языками. Представители старшего поколения (те, кому за шестьдесят) говорят между собой по-албански. Молодежь и люди среднего поколения используют албанский лишь в разговоре со старшими либо в ситуации, когда носители албанского языка не хотят, чтобы содержание их беседы было понятно окружающим. Как уже упоминалось, здесь албанский выступает в роли “тайного” языка, доступного лишь ограниченному кругу “своих” (в противоположность “чужим”) (Kaminskaja, Novik 2008: 358–364).

Главным препятствием, тормозящим более широкое распространение албанского, по общему мнению местных жителей, является отсутствие письменной традиции говора. Скажем, в соседних болгарских селах есть библиотеки с книгами на болгарском, в школах ведутся факультативы по болгарскому языку. Албанцы считают это при-

знаком “высокого статуса” языка. В албанских селах всего указанного нет. Местные жители не знают даже албанского алфавита. Это, по их мнению, существенно мешает сохранению говора. Тем не менее, в селах появились местные поэты (Мержев 2007), которые пишут стихи на албанском, используя кириллическую графику. Петр Мержев (рис. 4) и другие сочиняют пространные произведения, используя средства родного языка (Novik 2007: 177–184). По-албански поют песни (рис. 5).

Степень владения языком может быть совершенно разной у представителей различных сел, у информантов разных возрастов и различного образовательного уровня. В ходе полевой работы приходилось сталкиваться со случаями, когда информант знал буквально несколько слов по-албански, но считал при этом, что владеет албанским языком. И это нельзя воспринимать в качестве выпячивания знаний, пусть и слабых, или бахвальства. Просто те несколько лексем, которые усвоил информант, позволяют ему приобщать себя к этнической группе, к общности, к которой он принадлежит по рождению или самосознанию. И в данном случае язык воспринимается как важнейший маркер этнической принадлежности. По мнению большинства опрошенных информантов, “если ты албанец, то ты должен владеть албанским языком”. Более того, часть опрашиваемых придерживается мнения, что если человек не знает албанского, он не может считать себя албанцем. Однако действительность оказывается иной. Высокую степень языковой компетенции демонстрирует лишь небольшой процент взрослого населения (не более 10%). А албанцами себя считает большая часть населения албаноязычных сел. Соответственно, постулируемый лозунг о том, что язык является неперенным и основным маркером этнической идентичности, разбивается о реалии. В данном случае на примере албанцев Украины нам стоит говорить, скорее, о языковом самосознании.

Символы и маркеры идентичности. Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что среди албанского населения Украины исключительно высока степень этнического самосознания. Носители албанской идентичности (Иванова-Бучатская 2008: 239–252) могут не владеть родным языком, плохо разбираться в этнической истории (либо даже не представлять ее основные периоды), не знать традиций, однако уверенно причислять себя к албанской этнической общности. Устойчивые символы самосознания – язык (либо отношение к идиому – “языковое самосознание”), профессиональная принадлежность, общность исторического прошлого, сопричастность к единому духовному наследию (Tirta 2004) и система ценностных характеристик – определяют мировоззрение современных албанцев Буджака и Приазовья.

Во время полевой работы в течение двенадцати лет был собран обширный языковой и этнографический материал, существенная часть которого непосредственно касается самосознания албанцев Украины и его определяющих символов. В значительной мере материал еще требует серьезного изучения, так как через определенное время могут измениться глубинные взгляды и суждения людей, система оценок и нравственных характеристик, отношение к миру, обществу, собственным корням.

Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что албанцы Приазовья до сих пор продолжают говорить по-албански (пусть и с прогрессирующим убыванием носителей говора), продолжают отмечать албанские праздники, петь песни на болгарском языке, которые они считают “своими”, и готовить албанские блюда. И при этом они идентифицируют себя как албанцы, декларируя свою идентичность и демонстрируя гордость за свой народ. Работы для этнографов и лингвистов этот регион может предоставить много. И албанская самобытность, вопреки некоторым прогнозам, сохраняется в селах, основанных два столетия назад.

Примечания

¹ Основные материалы по албанцам-арнаутам изложены в следующих трудах этого автора (*Державин* 1926: 171–192; 1933: 504–512; 1948: 156–169).

² Балканский языковой союз – термин, предложенный впервые Н.С. Трубецким. Применяется для обозначения особого типа языковой общности, совокупности языков Юго-Восточной Европы, выделяемой не по принципу генетического родства, а по ряду общих структурно-типологических признаков, сложившихся в результате длительного взаимовлияния в пределах единого географического пространства. В состав Балканского языкового союза принято включать: болгарский, македонский, сербскохорватский (частично), восточнороманские, албанский, новогреческий (*Трубецкой* 1923).

³ Меморат – фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения.

⁴ Ср.: *Пономарьова* 2006.

Литература и источники

АМАЭ: Новик 1998 – Новик А.А. Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. 1998. Полевые записи. Автограф // Архив МАЭ РАН. Фонд К-1, опись 2. № 1726. 202 л.

АМАЭ: Новик 2002 – Новик А.А. Об албанцах Украины. Г. Мелитополь – с. Георгиевка – г. Одесса. 2002. Полевые записи. Ксерокопия с автографа // Архив МАЭ РАН. Фонд К-1, опись 2, № 1750. 104 л.

АМАЭ: Новик 2005 – Новик А.А. Об экспедиционной поездке в г. Мелитополь, с. Георгиевка, г. Одессу. 2005. Копия дневника. Автограф // Архив МАЭ РАН. Фонд К-1, опись 2. № 1796. 83 л.

АМАЭ: Новик 2010а – Новик А.А. Традиционная культура албанцев Приазовья. Приазовский район, Запорожская область, Украина. Ксерокопия полевого дневника. 2010. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. 122 л.

АМАЭ: Новик 2010б – Новик А.А. Традиционная культура албанцев Косово. Косово. Ксерокопия полевого дневника. 2010. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. 42 л.

АМАЭ: Новик 2010в – Новик А.А. Традиционная культура греков, албанцев и черногорцев в Албании. Полевые записи. Ксерокопия тетради. 2010. Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. 103 л.

АОЕ: Новик 2000 – Новик А.А. Полевые записи. Архив отдела европеистики МАЭ РАН. 25 л.

Будина 2000 – Будина О.Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г. // Итоги полевых исследований / Отв. редактор З.П. Соколова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 239–255.

Державин 1926 – Державин Н.С. Албановедение и албанцы // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. Вып. 2–3.

Державин 1933 – Державин Н.С. Из исследований в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесет годиштината от рождението му (1863–1933). София, 1933.

Державин 1948 – Державин Н.С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. 1948. № 2.

Десницкая 1987 – Десницкая А.В. Албанская литература и албанский язык. Л.: Наука, 1987.

Жугра, Шаранова 1998 – Жугра А.В., Шаранова Л.В. Говор албанцев Украины // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов / Отв. редактор Ю.К. Кузьменко. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1998.

Иванова 1995 – Иванова Ю.В. Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и в Крыму: история и современное состояние // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 1995. № 82.

Иванова 1999 – Иванова Ю.В. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения // Методы этноэкологической экспертизы / Научный редактор В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999.

Иванова 2000 – Иванова Ю.В. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований / Отв. редактор З.П. Соколова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 40–53.

- Иванова-Бучатская 2008 – Иванова-Бучатская Ю.Вал.* Албанцы села Георгиевка в начале XXI в.: социальная идентичность и ее компоненты // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 10 / Отв. редактор С.И. Михальченко. – Брянск: Брянский государственный университет – Ладомир, 2008. С. 239–252.
- Котова 1956 – Котова Н.В.* Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины) // Ученые записки Института славяноведения. Том 13. М., 1956. С. 254–287.
- Мержев 2007 – Мержев П.К.* Судьбы людские. Приазовское, 2007. 244 с.
- Мыльников 1997 – Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XX вв. СПб.: Петрополис, 1997.
- Народи 1997 – Народи Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури) /* Ред. колегія: І.П. Аносов, М.В. Елькін, Б.М. Кочерга, В.В. Крижко, В.С. Повіляй. Запоріжжя, 1997.
- Наулко 1998 – Наулко в.І.* Хто і відколи живе в Україні. Київ: Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1998.
- Пономарьова 2006 – Пономарьова І.С.* Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII – початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження. Київ: Реферат, 2006.
- Приазовский район 2009 – Приазовский район: История края в поколениях /* Ред. колегія: Ф.В. Пантов, Л.М. Тимофеев, Л.Н. Бородин. – Приазовское, 2009. 352 с.
- Трубецкой 1923 – Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский восточник. Вып. 3. Берлин, 1923.
- Широков 1962 – Широков О.С.* Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Т. 4 (20). М., 1962. С. 26–36.
- Islami 1955 – Islami S.* Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës // Buletin për Shkencat Shoqerore. Nr. 2. 1955. F. 163–180.
- Kaminskaja, Novik 2008 – Kaminskaja Larisa, Novik Aleksandër.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Të dhënat e ekspeditës 2008 // Seminari II Ndërkombëtar i albanologjisë. 22–28 Shtator 2008. Тетово: Државен универзитет во Тетово, 2008. F. 358–364.
- Musliu, Dauti 1996 – Musliu S., Dauti D.* Shqiptarët e Ukrainës. Udhëpërshkrime dhe punime shkencore. Shkup: Shkupi, 1996. 208 f.
- Novik 2007 – Novik, Aleksandër.* Koha në veprimtarinë e shkrimtarëve shqiptarë të Ukrainës // Seminari XXVI ndërkombëtar për gjuhën, letërsinë dhe kulturën shqiptare. # 26/2 / Kryeredaktor prof. Dr. Imri Badallaj. – Prishtinë: Universiteti i Prishtinës – Universiteti i Tiranës, 2007.
- Tirta 2003 – Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2003. 540 f.
- Tirta 2004 – Tirta M.* Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë, 2004. 452 f.
- Stublla 2007 – Stublla Sh.* Mbijetesa (Aspekti muzeor). Prishtinë, 2007.

A.A. Novik. The Adaptation of Albanians in the Ukraine: Historical and Linguistic Aspects

Keywords: Albanians of Azov Sea region, ethnic history, identity, ethnonym, lingvonym, traditional culture, Balkan motifs, multiethnic environment

There are four villages with Albanian population in the south of the Republic of Ukraine. The ancestors of the present-day Albanians of Ukraine had migrated from South-Eastern Albania to Eastern Bulgaria supposedly in the 16th century, and further moved to the Russian empire three centuries later. Up to date these Albanians have preserved their own vernacular and ethnic identity, the stable symbols of identity being the language, religious adherence, shared historical past, and common cultural heritage. The fieldwork conducted during the recent years allowed researchers to pinpoint the origins of this ethnic group, which substantially corrected earlier views of its history and language.